

С.Б. Сорочан

О БАЗИЛИКЕ АПОСТОЛА ПЕТРА И ХРАМОВОМ КОМПЛЕКСЕ ВОСТОЧНОЙ ПЛОЩАДИ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА

История застройки крайней, приморской оконечности Херсонесского мыса, от которого начиналась следующая направлению водораздела основная продольная улица города, заслуживает особого внимания вследствие своей культовой, а значит и идеолого-политической значимости. В последнее время удалось получить ряд ценных наблюдений относительно ее сакрального значения в античную эпоху, тогда как материальные и письменные свидетельства последующей, раннесредневековой поры еще нуждаются в реконструкции и уточнениях, могущих стать весьма любопытными для истории и топографии византийского Херсона.

Прежде всего представляется, что в VI–X вв. Восточная площадь являла собой единый с архитектурной точки зрения культовый комплекс не меньше чем из четырех монументальных церковных сооружений, в чем видится ее внешний и смысловой континуитет с предыдущей порой. С самого раннего этапа существования города она выполняла роль храмового участка, и это ее значение не изменилось после утверждения христианства. Единственное зримое отличие заключается, пожалуй, лишь в том, что по отношению к главной продольной улице ось площади была повернута под углом 30° на запад, тогда как поворот здания ранневизантийской Восточной базилики (№ 36), воздвигнутой тут же, имеет угол в 45°¹.

Основываясь на материалах раскопок 1908 г., К.Э. Гриневич относил к VII–VIII вв. первый строительный период храма (по нумерации Р.Х. Лепера – № 17) с северо-западной стороны этой площади, позднее переделанного в средневековую капеллу или часовню (6,4 × 4,92 м), с большой, пятигранной снаружи апсидой². Исходя из рабочего плана, составленного Р.Х. Лепером, выходило, что постройка имела два настила – нижний, более ранний, из прекрасно обработанных мраморных плит из проконесского и белого греческого островного мрамора, и поздний (X–XII вв.), лежавший на метр выше предыдущего, в котором были устроены две могилы. В действительности капелла могла быть и более раннего времени, нежели VII–VIII вв., поскольку в 1908 г. к востоку от ее апсиды по верхнему слою до уровня пола апсиды были найдены монета Льва I и три монеты Юстиниана I³. Примечательно также, что на полу среди обнаруженных материалов оказался обломок мраморного карниза высотой 15,5 см, длиной 28 см от внутреннего декора храма с тщательно вырезанной однострочной надписью ранневизантийского

¹ Федоров Б.Н. К вопросу о реконструкции северо-восточной площади Херсонеса Таврического // КСИА АН СССР. 1985. Вып. 182. С. 8. Рис. 1.

² Гриневич К.Э. Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р.Х. Лепера // Х. сб. 1930. Вып. 3. С. 22. Примеч. 1. Рис. 5, 8, 9.

³ Там же. С. 23.

времени, упоминавшей о постройке “по обету (молитве) такого-то” (...ὕλῆρ) εὐχῆς τ[οῦ]...)⁴. На месте церкви можно подозревать наличие остатков стены, которая с запада ограждала некогда находившийся здесь античный теменос. Одновременным с евктирием, судя по стратиграфии, был крытый водосток шириной 0,75 м, идущий через всю площадь в северо-восточном направлении⁵.

Здание, расположенное близ Восточной базилики, в нескольких метрах от ее северо-западного угла, отличалось монументальной кладкой, лежащей почти у скалы или на скале. Оно было облицовано гладко тесаными, тщательно пригнанными блоками камня толщиной 0,5 м, уложенными правильными рядами, а остальная толща стен выполнена из некрупных, грубо отесанных, полубутовых камней на крепком известковом растворе, не характерном для так называемых часовен поздневизантийского времени, стены которых обычно клали на “грязи”⁶. Поначалу в церквушку вело два входа: с юга, со стороны аккуратно мощеной плитам Восточной площади с базиликой № 36, и с запада (последний оказался позже заложен в связи с устройством помещения с многоярусными погребениями). Наконец, следует обратить внимание, что азимут этого небольшого храма не совпадает с ориентировкой ближайших средневековых жилых построек, но зато близок к направлению более ранней Восточной базилики (соответственно 49,5° и 53,5°)⁷.

Сама Восточная базилика уже функционировала к VII в.: перед ней в квартале I в колодце, единовременно засыпанном, судя по обломкам поздней краснолаковой керамики и монетам Маврикия, позже конца VI в., оказались мозаичные кубики из мозаики этого храма⁸. Следовательно, после своего сооружения здание пережило большой ремонт или скорее принятую в византийском проектировании очередную достройку, повлекшую перепланировку площади перед базиликой, на что указывает засыпь колодца.

⁴ Р.Х. Лепер полагал, что зданием, которому анонимный ктитор посвятил карниз, могла быть та самая капелла, в которой он был найден (*Лепер Р.Х.* Херсонесские надписи // ИАК. 1912. Вып. 45. С. 67. № 16; *Латышев В.* Заметки к херсонским надписям, изданным Р.Х. Лепером // ИАК. 1912. Вып. 45. С. 136). По мнению С.А. Беляева, аналогичные надписи датируются концом IV–VI в. (*Беляев С.А.* Из истории социальной жизни Херсонеса второй половины IV–VI в. // ПС. 1987. Вып. 29. С. 76. № 9; ср. № 1–10).

⁵ *Гриневич К.Э.* Указ. соч. С. 15. Рис. 3.

⁶ В поздневизантийский период храмик был переоборудован в квартальную церковь-усыпальницу, на что указывает пристройка гробницы-кимитирия (κοιμητήριον) со стенами на земляном растворе с юго-западной стороны здания и находка в ней золотоордынской монеты, а также погребения внутри самого храма и в соседнем помещении, пристроенном с запада (см.: *Якобсон А.Л.* Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА. 1950. № 17. С. 48–49, 243. Рис. 3, 153). Надо согласиться с тем, что обкладка храма весьма напоминает технику исполнения некоторых поздних церквушек, капелл или часовен Херсона, к примеру, так называемой “базилики Лаврентия–Леонтия” в цитадели, но для храма на северо-западной оконечности Восточной площади такая обкладка могла быть выполнена раньше, а пятигранные апсиды херсониты не менее охотно возводили и в ранневизантийский период, особенно в VI–VII вв., как это видно на примере базилик № 13, 22, 23, 28, 36, крещальни около базилики № 23, ранней базилики на холме (№ 14), базилик 1932 г., 1935 г. и др.

⁷ *Фирсов Л.В.* Ориентировка средневековых храмов Херсонеса Таврического // Архив НЗХТ. Д. 868. Табл. 1. № 40, 46. Л. 15. Примеч. 30.

⁸ См.: *Золотарев М.И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1976 г. // Архив НЗХТ. Д. 1836. Л. 12–19; *Сазанов А.В.* Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. 1991. Вып. 2. С. 60–71.

Схожесть планировки, облика, характера кладки этого просторного (34,6 × 16,4 м), трехнефного, с мозаичными полами, богатого, облицованного внутри мраморными плитами храма с херсонскими базиликадами, сооруженными не ранее второй половины – конца VI в. (Уваровской, Северной, Западной, базиликой 1932 г. и 1935 г., “базиликой в базилике” и “базиликой на холме”), позволяют думать, что на месте храма мог находиться более ранний и меньший по размерам, который и подвергся кардинальной переделке в конце VI – первой половине VII в. Близость в данном месте скального основания, которое к тому же перед началом строительства нивелировалось, не позволила запечатлеть в культурном слое хотя бы какие-нибудь остатки первоначальной церкви, возведенной, очевидно, во имя апостола Петра стараниями обращенных херсонеситов по повелению епископа Капитона в середине 380-х или начале 390-х годов⁹.

Вероятно, интерьеру этого первоначального храма, к примеру, его канцели могли принадлежать два обломка мраморной квадратной плиты (0,75 × 0,75 м, толщиной 3,5 см), на одной стороне которой был изображен крест, а с другой барельеф, изображающий Иисуса Христа, спасающего ап. Петра от потопления на Тивериадском озере, и с пояснительной надписью ‘Ο κ(ύριος) Ἰ(ησοῦς) διδοὺς χωρησίαν τῷ ἀγίῳ Πέτρῳ. Один фрагмент плиты был вывезен во время Крымской войны и попал в Лувр, а другой был найден в 1896 г. у входа в загородный позднеантичный склеп¹⁰. Согласно ступеням святости, такие изображения Христа и апостолов должны были быть как можно ближе к солее храма¹¹. Не исключено, что причиной гибели этого прекрасного образца ранней византийской мраморной пластики, как и других подобных находок в Херсоне (плит с изображением благославляющего Христа и св. Фоки Кипура, св. Герасима со львом и пр.), стали события иконоборства, когда, послушные приказам из Константинополя, местные священноначальники выполняли волю василевсов и патриархов-иконоборцев и удаляли из церквей неугодные священные предметы.

Откуда же происходит уверенность в том, что Восточная базилика может быть отождествлена с известным житийным ориентиром, увязываемым с христианской топографией города? Дело в том, что из Житий свв. епископов Херсонских, составленных не ранее третьей четверти и не позже конца VI в., следует, что в восточной части города (ἀνατολικώτερον τῆς πόλεως μέρος), недалеко от гавани и “регеона” (τοῦ ῥηγεόνος) с так называемой “малой агорой” (μικρὰ ἀγορά) функционировал как раз храм апостола Петра¹².

⁹ Соображения по поводу этой датировки см.: Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсона в IV в. // МАИЭТ. (1994) 1995. Вып. 4. С. 547–549.

¹⁰ Древности Южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1895–1898 годах с объяснениями акад. В.В. Латышева // МАР. 1899. Вып. 23. С. 26–27. № 40; Бобринский А. Херсонес Таврический. Исторический очерк. СПб., 1905. С. 89; Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. М., 1908. Вып. 3. С. 27; Латышев В.В. К церковной археологии Херсонеса // Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 303–310. Табл. II.

¹¹ Шульц Г.Й. Византийска літургія: Свідчення віри та значення символів. Львів, 2002. С. 130.

¹² Латышев В.В. Жития св. епископов Херсонских. Исследование и тексты // Записки АН. 1906. VIII серия по истор.-филол. отделению. Т. 8. № 3. С. 16, 51–55, 62. § 17; Страдание святых священномучеников и епископов Херсонских Василея, Капитона и иных с ними / Пер. В.В. Латышева // ИАК. 1907. Вып. 23. С. 112; Житие свв. епископов Херсонских в грузинской минее / Вступ. ст. В.В. Латышева, пер. К. Кекелидзе // ИАК. 1913. Вып. 49.

Исследователи не обратили внимание на очевидный факт: эту “восточную часть” без труда помогает локализовать ясно выраженная в первые века нашей эры ортогональная конфигурация городской планировки, отчего ἀνατολικώτερον τῆς πόλεως μέρος четко соответствовала тому городскому региону (одному из четырех), который образовывало пересечение главной продольной и главной поперечной улиц, унаследованное еще от римской эпохи (*cardo maximus* и *decumanus maximus*)¹³. Эта *metros* включала участок от южных, так называемых “Мертвых ворот”, поблизости от которых у перекрестка находилась малая агора и крупные общественные, потестарные многокамерные постройки, в том числе, “здание Г”, а затем имела своей северной границей значительный, почти 600-метровый отрезок главной продольной улицы, оканчивавшейся у Восточной площади на берегу моря.

Примечательно и очень важно, что место, где стоял христианский храм, сохранило и в раннесредневековый период (“доныне” – μέγχι τῆς δεῦρο источника) старый агороним – Парфенон, недвусмысленно указывающий на то, что прежде здесь могло находиться языческое “капище” богини Девы – Афины Спасительницы, защищавшей и приносившей удачу, или Артемиды Ортии (она же Партенос), а может быть, и обоих вместе. Во всяком случае, херсонеситы всегда видели в своей Партенос Артемиду, дочь верховного олимпийского бога Зевса и Латоны, сестру и паредру Аполлона¹⁴. По мнению Б.Н. Федорова, в северном конце вымощенной каменными плитами приморской площади, образовывавшей удлинённый прямоугольник размерами около 30 × 9 м, существовал монументальный храм, возможно, Афродиты, покровительницы моряков и мореплавателей, а перед ним по сторонам находились две небольшие постройки, которые, вероятно, были сокровищницами и фланкировали теменос с запада и востока¹⁵. Результаты исследований М.И. Золотарева и А.И. Буйских, признанные другими исследователями, подтверждают, что священный участок – теменос города с храмами, алтарями и уникальной для Северного Причерноморья монументальной бронзовой статуей Афины Сотейры работы афинского скульптора Поликрата IV в. до н.э. располагался в античном Херсонесе именно здесь, а сама статуя, стоявшая на краю высокого мыса и достигавшая вместе с постаментом 5 м, могла в свое время служить одновременно ориентиром-маяком, указы-

С. 78–79, 88; *Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano* / Ed. H. Delehayе. *Acta Sanctorum. Propylaeum ad Acto Sanctorum Nivembris*. Bruxelles, 1902. Col. 336–338; *Halkin F. La passion des sept eveques de Cherson (Crimee)* // АВ. 1984. Т. 102. Р. 253–261. Подробнее об обосновании локализации восточной части города – “Феоны” и о формах территориальной общности горожан см.: *Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Структура механизмов обмена*. Изд. 2-е, испр. и доп. Харьков, 2001. С. 60–61, 97–98.

¹³ Прежнее, эллинистическое деление на девять магистральных продольных и поперечных улиц, если оно вообще имело место, безусловно, утратило свое значение ко II в. н.э., и ведущая роль до конца существования города перешла к двум главным, наиболее широким улицам, достаточно хорошо просматривающимся на археологической карте города (ср.: *Буйских А.В., Золотарев М.И. Градостроительный план Херсонеса Таврического* // ВДИ. 2001. № 1. С. 129).

¹⁴ *Русяева А., Русяева М. Верховная богиня античной Таврики*. Киев, 1999.

¹⁵ *Федоров Б.Н. Объемнопространственная композиция северо-восточной площади Херсонеса Таврического и ее реконструкция* // *Проблемы развития зарубежного искусства*. 1980. Вып. 10. С. 17–22; *Он же. К вопросу о реконструкции северо-восточной площади...* С. 8–11.

вая на вход в гавань¹⁶. В любом случае древнейший приморский храмовый участок города был связан с присутствием женского божества, которое херсонеситы привычно называли Партенос.

Столь же важно, что, по данным К.К. Косцюшко-Валюжинича, рядом с Восточной базиликой находилась крещальня с купелью, следы которой исчезли уже вскоре после раскопок¹⁷. Она примыкала к оконечности левого нефа новой Восточной базилики, а рядом с храмом и, видимо, одновременно с ним был сооружен сравнительно крупный крестовидный мартирий со сводчатым перекрытием, подобно тому, как это было сделано у Западной базилики¹⁸. Внутри его были найдены гробницы, но описание их не сохранилось¹⁹. Сооружения такого типа с безапсидным, прямоугольным очертанием восточной ветви, не характерные для константинопольской архитектуры, но широко распространенные в Малой Азии, Восточном Причерноморье, вообще на Востоке, представляли собой преимущественно усыпальницы, так как концы ветвей креста особенно удобны для расположения в них гробниц²⁰. По расчетам Ю.Г. Лосицкого, длина всех ветвей этой пристройки, кроме южной, была равна их ширине и составляла 4,9 м, толщина стен – 0,98 м, а длина южной, укороченной ветви, непосредственно примыкавшей к базилике, составляла 2,94 м²¹. Заведующий раскопками не оставил планов открытых им пристроек с северо-восточной стороны базилики № 36, но вполне уверенно определил одну из них как крещальню, причем не по аналогиям с комплексом херсонской Западной базилики № 13, а именно в виду наличия следов купели²². Помещение было встроено между крестовидным мартирием и плечом базилики, что говорит о его строительстве несколько позже последних либо о том, что крестовидный мартирий был пристроен к ним, как

¹⁶ IOSPE. I². 406; *Золотарев М.И., Буйских А.И.* Теменос античного Херсонеса. Опыт архитектурной реконструкции // ВДИ. 1994. № 3. С. 78–101; *Zolotarev M.I., Buyskikh A.V.* The Temenos of Ancient Chersonesos: An Attempt of an Architectural Reconstruction // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 1995. Vol. 2. N 2. P. 125–156; *Кадеев В.И.* Херсонес Таврический. Быт и культура (I–III вв. н.э.). Харьков, 1996. С. 26; *Третистер М.Ю.* Материалы к корпусу постаментов бронзовых статуй Северного Причерноморья // Х. сб. 1999. № 8. С. 127–128, 142.

¹⁷ *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году // ИАК. 1902. Вып. 4. С. 63; ср.: *Бертье-Делагард А.Л.* О Херсонесе // ИАК. 1907. Вып. 21. С. 25.

¹⁸ На одновременность сооружения храма в виде креста и Восточной базилики указывает идентичность их кладки и точное совпадение азимутов обоих построек – 53,5° (*Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63. С. 165; *Фирсов Л.В.* Ориентировка средневековых храмов... Л. 11. Табл. I. № 46–47). И.А. Завадская тоже полагает, что крестообразные пристройки херсонесских базилик (Восточной, Западной) “могут относиться к периоду, близкому возведению самих базилик” (*Завадская И.А.* О происхождении христианской архитектуры Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. 8. С. 275).

¹⁹ *Айналов Д.В.* Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. М., 1905. Вып. 1. С. 44.

²⁰ *Покровский Н.В.* Памятники византийской архитектуры // Памятники христианской архитектуры. СПб., 1910. С. 17; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 204–205; *Он же* Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса // ВВ. 1988. Т. 49. С. 164.

²¹ *Лосицкий Ю.Г.* Опыт реконструкции крестообразных храмов Херсонеса // ААИК. Киев. 1988. С. 34.

²² Ср.: *Завадская И.А.* Баптистерии ранневизантийского Херсонеса // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Севастополь, 2001. С. 36; *Она же* Баптистерии Херсонеса // МАИЭТ. 2002. Вып. 9. С. 263–264.

это было в случае с Западным храмовым комплексом, однако это не мешает представлению об общем континуитете построек на Восточной площади. Здесь могли покоиться остатки как раз того первоначального баптистерия, который некогда примыкал к раннему христианскому храму св. Петра на месте базилики № 36 и который повелел построить епископ Капитон “смежно с ним” (ἐχόμενον ταύτης), торопясь поправить прежнее “логово эллинства”²³.

Если следовать логике повествования составителя Житий свв. епископов Херсонских, Капитон и “начальствующий” (τὸ τῆν ἐπιστοσίαν) Феона с его стратиотами мог попасть в Херсонес из Константинополя только с открытием навигационного сезона в марте месяце, который, согласно херсонесскому календарю, соответствовал эвклию – месяцу, посвященному Артемиде Славной (Эвклии). Судя по тексту известного херсонесского декрета конца II в. до н.э. в честь стратига Диофанта, он следовал после месяца Дионисий и был связан с проведением регулярного общегосударственного праздника Партеий, посвященного главной покровительнице и защитнице города – Артемиде Партенос (Деве)²⁴. Следовательно горожане, на тот момент в массе своей еще “эллины”, “поклонники идолов”, могли готовиться к этому празднику как раз в срок прибытия миссии из столицы Восточной Римской империи и, вероятно, собирались обновлять именно храм Партенос, для чего разожгли две печи для выделки извести (ἰδίῳ κάμνοι δύο πρὸς ἀσβέστου ποιήσιν ἀναφθεῖσαι τοῦ ἡμετέρου ναοῦ)²⁵. В этом случае строительство крещальни, а затем и христианского храма во имя первоверховного апостола Петра, через двести лет перестроенного в виде Восточной базилики с крестовидным мемориумом, явилось примером не только “церковной”, но и, пользуясь выражением протоиерея Александра Пелина, “политической топографии”, ибо таким образом стиралась память о нежелательном языческом сооружении, издавна находившемся на этом месте²⁶. Примечательно, что в греческих рукописях Парижской национальной библиотеки 1587 и 1617 подчеркивалось, что Капитон, утвердившись в Херсоне, задумал разрушить храм τοῦ Παρθενίου εἰδώλου λεγόμενου, т.е. “идола Партенос”, вероятно, ксоанон богини Девы (Сотейры, Простаты, Василиссы), о котором наряду с одноименным храмом упоминал Страбон, и взамен построить церковь апостола Петра, что и породило его спор с неверными, закончившийся знаменитым чудом с печью, на месте которой в юго-западной оконечности Хер-

²³ “Итак, великий, повелев тотчас построить крещальню из обожженной извести, всех окрестил в ней; воздвиг он и храм, примыкавший к ней, во имя первого и верховного апостола Петра” (Страдание святых священномучеников... С. 112. Гл. 17); Жития свв. Ефрема, Василея, Евгения, Агафодора, Елпидия, Еферия и Капитона // *Лавров П.* Жития херсонесских святых в греко-славянской письменности. Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып. 2. С. 157–158 (κολλυβήθραν οὖν εὐθὺς οἰκοδομηθῆναι προτάξας ὁ μέγας ἐκ τῆς κεχαυμένης ἀσβέστου, ἐν ταύτῃ πάντα ἐβάπτισεν. Ἀνέστησέ τε καὶ ναὸν ἐχόμενον ταύτης ἐπ’ ὀνόματι τοῦ πρώτου καὶ χορυφαίου τῶν ἀποστόλων Πέτρου).

²⁴ Декрет был датирован 19-м днем месяца Дионисий, а награждение Диофанта золотым венком должно было состояться на приближавшемся празднике Партеий (IOSPE. I². 352).

²⁵ Жития свв. Ефрема, Василея, Евгения, Агафодора, Елпидия, Еферия и Капитона. С. 157. Sec. 15.

²⁶ Ср.: *Протоиерей Александр Пелин.* Топография христианского Херсонеса IV–XIV века: Дис. канд. богословия. Московская Духовная академия. Сергиев Посад, 2001 (рукопись). С. 18–19.

сона, как убедительно доказал К.Э. Гриневич, горожане со временем воздвигли мемориальный четырехапсидный теофанический мартирий²⁷.

Символизм и значительность описанного в Житии действия становится гораздо рельефнее и понятнее с учетом того, что происшедшее крещение увязывается не с любым другим местом, но именно с тем, где херсонеситы долгое время, вплоть до начала массовых гонений на язычников в конце IV в., почитали богов своих главных, государственных, полисных культов. Необходимо было подорвать остававшуюся столетиями, несмотря ни на что, непоколебимой веру в культ главной патронессы – Партенос, в ее чудодейственную силу, которая являлась квинтэссенцией религиозного мышления херсонеситов и своеобразным мерилom их памяти. Демонстрация бессилия богов херсонесского Парфенона и явилась окончательным знаменательным событием на оскверненном, с точки зрения язычников, теменосе, ставшем, в свою очередь, еще более надежным гарантом, чем дети заложники, что обратного пути не будет. Таким образом, сначала ранний храм св. Петра, а затем сменившая его одноименная базилика № 36 стали служить крайней восточной точкой во время стационарных литургий – богослужебных последований (*аколуфий*), процессий, связанных с именем апостола – первокрестителя язычников и с почитанием священномучеников – первых епископов Херсонских.

Д.Ю. Коробкову принадлежит предположение, что разрушение языческого храма, вопреки свидетельству житийного источника, могло быть не одновременно крещению херсонеситов. Он связывал его с событиями третьей четверти V в. – времени пребывания в Херсонесе ссыльного александрийского архиепископа, монофисита Тимофея Элур, горячего, несдержанного проповедника, который мог вдохновить горожан на обновление храма, переделанного из иудейской синагоги на северном берегу, в квартале XIX²⁸. В этом случае храм во имя апостола Петра соотносится с базиликой 1935 г., которая действительно находилась ближе к “Святым (Красивым) воротам” и тем двум известеобжигательным печам на юго-западной оконечности городища, продукцию которых, согласно легенде, использовали для сооружения баптистерия. Однако выше уже были изложены соображения, которые позволяют объяснить необходимость возведения крещальни именно на противоположном конце города: там располагалось священное для многих поколений херсонеситов место, которое Церковь должна была освоить в первую очередь как понятый всеми знак своей окончательной победы над “эллинами и иудеями”. К тому же версия Д.Ю. Коробкова не в состоянии объяснить, почему участок на северном берегу горожане стали бы звать “Парфенон”, и уж тем более он не подходит для житийного ориентира, совершенно определенно указанного применительно к восточной части городища.

Другой ориентир, который обычно выбирают исследователи для идентификации с храмом апостола Петра, – большая Уваровская базилика или

²⁷ *Страбон*. География в 17 книгах / Пер. Г.А. Стратоновского. Л., 1964. VII. 4. 2; Франко І. Святий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1903. Т. 56. Кн. 6. С. 159–160; *Гриневич К.Э.* Четырехапсидное здание в Херсонесе (Новая попытка его объяснения) // Архив НЗХТ. Д. 1035. Л. 129–134.

²⁸ *Золотарев М.И., Коробков Д.Ю.* О епископе Капитоне и крещении жителей Херсонеса в IV веке по Р. Х. // Православные древности Таврики. Киев, 2002. С. 68–73.

некий гипотетичный ранний храм рядом с ней на северном берегу Херсона, на месте кварталов IV и V – не подходит на эту роль по тем же причинам, но зато удачно соотносится с известной из агиографических источников херсонской “кафолической церковью” (basilika maior) – храмом свв. Апостолов Петра и Павла²⁹.

Следовательно, можно с достаточно большой степенью уверенности считать, что именно Восточная базилика и примыкающие к ней культовые сооружения были тем храмом, который в раннесредневековую эпоху высился на приморской площади, по давней традиции именуемой херсонитами Парфенон. Даже одержав полный триумф, новая религия оказалась не в состоянии искоренить этот древнейший агороним города, который, несмотря на его языческое звучание, был покорно унаследован христианством.

²⁹ *Латышев В.В.* Жития св. епископов Херсонских. Исследование и тексты. С. 54–55; *Яковсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 159–160; *Романчук А.И.* Херсонес XII–XIV вв.: историческая топография. Красноярск, 1986. С. 162; *Беляев С.А.* Уваровская базилика // Литературная Россия. 1989. № 21. 26 мая; *Он же.* О храме апостола Петра в Херсонесе // VIII Рождественские образовательные чтения: Церковные древности. М., 2001. С. 5–28; *Он же.* Исторические предпосылки постройки кафедрального храма Херсонеса во время Константина Великого (Уваровской базилики – храма апостола Петра) // Сугдея, Сурож, Солдайка в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. Киев; Судак, 2002. С. 34; ср.: *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Херсонес – Херсон – Корсунь. Киев, 2003. С. 127–132.